

- 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1981.
Большая советская энциклопедия : в 30 т. М., 1969—1978. Т. 28 [Фуко Мишель Поль].
Веденина Л. Г. Франция : лингвострановедческий словарь. М., 1997.
Источниковедение: теория, история, метод; источники российской истории М., 1998.
Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000.
Нора П. Память, история // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1981.
Старостин Е. В. Методологические основы архивоведческого знания. М., 2001.
Старостин Е. В., Хорхордина Т. И. Архивы и революция. М. 2007.
Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
Фуко М. Археология знания : пер. с фр.; под общ. ред. Б. Левченко. Киев, 1996.
Choay F. L'allégorie du patrimoine. P. : Seuil, 1992.
Derrida J. Mal d'archives: une impression freudienne. P. : Galilée, 1995.
Derrida J. Trace et archive, image et art : sténogramme d'une conférence donnée à L'INA le 25 juillet 2002.
Dominique Au. La notion et la protection du patrimoine. P., 1997.
Dosse F. Le moment Ricoeur // Vingtième siècle. 2001. № 69. Janvier-mars.
Entretien avec Hervé Couteau-Bégare, directeur d'études à l'École pratique de Hautes études et président de Stratégie Comparée // Dossier Clausewitz. URL: <http://www.paru.com> (дата обращения: апрель 1999).
Foucault Michel. Il faut défendre la société : cours au Collège de France 1976. P., 1997.
Leniaud Jean-Michel. L'utopie française : essai sur le patrimoine. P., 1992.
Ricoeur P. Vulnérabilité de la mémoire // Patrimoine et passions indéniables. P., 1998.
Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli. Seuil, 2000.

УДК 94(37).08

А. С. Козлов

ЛОГИКА И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ В ORIGO CONSTANTINI IMPERATORIS

Исследуются особенности композиции анонимного жизнеописания Константина Великого как позднеантичной исторической биографии, логика презентации образа Константина как образцового императора, подчиненность структуры этого документа как позднеантичной биографии идейно-политической цели источника.

К л ю ч е в ы е с л о в а : источники; историческая биография; Origo Constantini imperatoris; Anonymus Valesianus.

В статье используются принципы герменевтики, касающиеся проблем реконструкции смыслов, актуальных для человека далекого прошлого (в данном случае — гражданина и интеллектуала поздней Античности). В современном источниковедении реализация этих принципов обеспечивается также с помощью исторической феноменологии, чья основная задача — раскрытие причинно-следственных связей источника, конвенциональных моделей обстановки, в которой он родился, и индивидуальных представлений автора, оформленных в исторический текст¹. В этом ключе, как известно, смыслополагание субъекта культуры (в нашем случае — безымянного автора такого уникального памятника последней четверти IV в., как *Origo Constantini imperatoris*, являющегося первой частью так называемого Анонима Валезия²) может быть оценено как исторический феномен, самоценный³ и максимально освобожденный от подавления объяснительных процедур исследователя. Однако, поскольку максимум этот в каждом случае весьма

¹ Как известно, объективная семиотическая организация текстов (моделей) культуры является одной из основных сторон познания конкретной эпохи [см.: Shore, p. 9].

² Из последних работ, посвященных этому документу, наиболее капитальной является монография И. Кёнига [König]. Об исследованиях Анонима Валезия см. также: [Козлов, 2011, с. 40—47].

³ Самоценность нашего источника подчеркивается хотя бы тем, что он (как уже неоднократно было показано специалистами) не вписывается в каноны античной биографии как литературно-исторического жанра, к которому *Origo* относили раньше [см. наиболее краткую и меткую характеристику этого историографического казуса: Schanz, S. 107—108; Momigliano, p. 88]. Действительно, если обратиться к формальным знаковым признакам жанра, то, с одной стороны, при сравнении этой «биографии» Константина с трудами таких столпов жанра, как Светоний, Марий Максим и *Auctores Historiae Augustae*, видно, что она содержит почти все важнейшие составляющие подобных историописаний: происхождение героя, его рождение, взращивание и карьера до достижения власти, военные деяния, завещание (урегулирование наследования его власти) и смерть. В то же время в *Origo* начисто отсутствуют *omnia et prodigia*, а *mores* увязаны только с образами оппонентов героя — с Галерием, Севером и Лицинием. Отличает первую часть Анонима Валезия от Светония и других императорских биографов также строгое следование хронологическому ходу событий. Редкие нарушения этого принципа можно скорее всего отнести на счет более поздней редакции или лакун в рукописи, использованной писцом. Переводя все эти обстоятельства на язык исторической феноменологии и нарративизма, ясно, что оппозиция «*Origo Constantini* — античная историческая биография» вполне укладывается в исследовательскую проблему, о которой писал Ч.Тэйлор, подчеркнувший, что совершенно необходимо концептуально разграничивать мир коллективных значений и мир индивидуальных смыслов [см.: Taylor, p.11].

индивидуален⁴, уточню, что одним из возможных инструментов его достижения является следование такой стороне логики источника и его смысловых связей, как композиция повествования, интерпретируемая самими текстовыми установками в первую очередь. Пытаясь недавно наметить хотя бы формальные параллели информативных узлов *Origo* (в дальнейшем будем называть наш документ именно так) с соответствующими данными других позднеантичных и раннесредневековых источников, сообщающих о Константине I [см.: Козлов, 2011, с. 213—232], я уже частично затрагивал вопрос о логике текста и внутренних причинно-следственных связях в тексте *Origo* (в первую очередь применительно к функциям сделанных в него интерполяций). Как будет показано ниже, вопрос об этой логике, завязанной на основной идее документа (логике восхождения Константина I к единоличной власти), а значит, на организующей его композиции, едва ли не важнейший. Аноним, безымянный автор *Origo*, чуть ли не единственный в Античности (а не только в поздней Античности), который создает хронологически последовательную конструкцию, в которой выработанные классическими авторами приемы составления биографии или работают вполсилы, или игнорируются. Ибо в поле зрения писателя находится не собственно биография виднейшего правителя Римской империи периода ее заката, а именно логика его хождения в л а с т ь.

При подходе к логике такого документа, как *Origo*, с позиций исторической феноменологии обязательно надо учитывать одно его уникальное свойство (крайне редкое для античных произведений) — не только формальную, но даже сущностную анонимность, свойство, присущее скорее продуктам медиевальной мысли.

Все усилия специалистов выявить в тексте *Origo* более или менее определенную информацию об его авторе были безуспешны. Гипотезами остаются рассуждения об его происхождении, политико-географической привязке его деятельности и симпатий, об его возможном социальном или служебно-должностном положении. Самый видный и глубокий исследователь Анонима Вalezия И. Кёниг обратил внимание, что неясен даже повод к написанию первой части этого загадочного труда [König, S. 5]. Недаром еще В. Онезорге на основании формы и содержания первого

---

⁴. На этот счет недвусмысленно указал Ф. Анкерсмит: «Хотя прошлое состоит из того, что делали, думали или писали люди в прошлом и оно не знает никаких деятелей, кроме людей, перспектива историка часто одновременно и создает, и исследует прошлое так, что оно становится лишенным свойственного ему смысла» [Ankersmit, p. 208].

и последнего тезиса Origo⁵ высказал предположение, что этот рассказ о восхождении Константина I во власть является заключительным разделом какого-то неизвестного нам позднеантичного сочинения о римских императорах [Ohnesorge, S. 106]. В то же время давно замечено, что сжатая форма Origo коррелируется с высокой надежностью его исторической информации (вплоть до деталей), и это заметно выделяет первую часть Анонима Вalezия среди прочих латиноязычных источников, из которых мы черпаем данные об основателе династии Вторых Флавиев. По-своему стройное и цельное, пронизанное попытками автора разобраться во взаимосвязях политических явлений 1-й трети IV в., Origo в значительной мере позволяет объективно рассмотреть деяния Константина.

Нельзя не принять во внимание давно отмеченную специалистами бесхитростность композиции Origo: такого рода структура известна также по биографиям императоров, написанных Аврелием Виктором, а также по «Извлечениям о жизни и нравах римских императоров», составленным анонимным эпитоматором, которого в последнее время называют Псевдо-Аврелием Виктором⁶. Подобно этим авторам, сочинитель первой части Анонима Вalezия начинает рассказ о своем герое с краткого, но выразительного сообщения о карьере его отца, Констанция Хлора, а затем тут же переходит к изложению деяний Константина, которые (на это специалисты также давно обратили внимание) излагаются в четкой хронологической последовательности. Однако, как это присуще вообще античным историческим трудам, Origo практически не содержит специальных отсылок к хронологии событий. Фраза «когда Константин и Лициний были консулами» [Origo, V, 20], ориентирующая нас на 315 г., в тексте несет лишь логическую нагрузку, подчеркивая негативные качества Лициния как политика, даже изгнавшего всех христиан из императорского дворца. Этот тезис полностью заимствован у Орозия, вставившего данную информацию между сообщением о битве у Мульвийского моста и рассказом о сражении у Кибал, — прием, позволивший интерпретировать антихристианское мероприятие императора как предпосылку к второму разрыву с Константином [Orose, VII, 28.18]. Примечательно, что в хрониках Иеронима и Проспера Тирона, также сообщающих о подобном акте Лициния,

⁵ Аноним начинает с тезиса: «Диоклетиан правил вместе с Максимианом Геркулием 20 лет» [Origo, I, 1]. Финальный тезис сочинения: «Он [Константин] процарствовал 31 год, [а] погребен был в Константинополе» [Ibid., VI, 34].

⁶ Наиболее глубокое исследование о труде Аврелия Виктора: [Bird]; из новейшей литературы о сочинении Псевдо-Аврелия Виктора см. особенно: [Cameron, p. 324—327; Schlumberger].

данная информация такой функции, как у Орозия, не несет⁷. Иная задача аналогичного тезиса и в «Церковной истории» Евсевия [Eusebius, 1952, X, 8]. В *Origo* информация об изгнании христиан из дворца играет роль введения в последующий эксцерпт — о том, что вскоре между Лицинием и Константином разразилась война. Еще одна задача этой информации — как бы датировать канун войны, но тут-то и видны несообразности в преподносимом материале. Спора нет, последнее совместное консульство Константина и Лициния относится к 315 г. [см.: Liebenam, S. 34; Degraßi, p. 78]. Однако Иероним относит изгнание христиан из дворца к 320 г., и эту дату поддерживает О. Зеек [Seeck, 1897, Bd. 1, S. 599—600]. Правда, Д. Вестергуис, повторяя тезисы Зеека, ошибочно привел в качестве даты 321 г. [см.: Westerhuis, p. 36], но для оценки анализируемого места в *Origo* это не имеет принципиального значения. Важнее другое: весь этот раздел в первой части Анонима, как давно установлено, представляет из себя более позднюю интерполяцию, причем неясно, убрал ли интерполятор в указанном месте какие-то пассажи собственно автора *Origo*. Кёниг полагает, что поскольку между 19 и 20 разделами Анонима нет никакого логического разрыва или цезуры, то автор скорее всего, как это явствует из текста, описывая очередное нарастание напряженности, войну и конечную победу Константина, вполне мог привести какую-то другую, более аргументированную причину для второй схватки между героем повествования и Лицинием [см.: König, S. 143].

Функция заключительной фразы предыдущего раздела *Origo* («Поэтому Константин и Лициний совместно были произведены в консулы») иная, чем у рассмотренного тезиса раздела 20. Она резюмирует результаты договоренностей между Константином и Лицинием по пересмотру сфер влияния и компетенций обоих императоров [Origo, V, 19] и отражает актуальное на тот момент стремление Константина восстановить взаимное доверие с соправителем-соперником через назначение цезарями их сыновей. Такое же толкование данного соглашения содержит и «Новая история» Зосима [Zosim., II, 20.2].

Таким образом, первая часть Анонима Валезия демонстрирует типичное свойство античной исторической литературы — н е в н и м а н и е к д а т и р о в к е о п и с ы в а е м ы х с о б ы т и й. Конечно, в *Origo* содержатся пять указаний на продолжительность правлений императоров — Диоклетиана и Максимиана Геркулия, Галерия, Максентия, Лициния и, наконец, самого Константина [Origo, I, 1; III, 8; IV, 12; V, 29; VI, 35], однако

⁷ Hieron., a.2337d. Мною использовалось изд. : [Die Chronik]; см. также: [Prosper, 1005]. .

эти хронологические выкладки играют роль в организации материала повествования по принципу, известному в Античности со времен эллинизма, — по царствованиям. Тем самым анонимный автор, как, например, и его старший современник Аврелий Виктор, вроде бы отдал дань тенденции к созданию непрерывного и законченного рассказа о правлении каждого императора, выделяя особенности его деяний и не вдаваясь во временную детализацию. Но с одним исключением: в *Origo* эта тенденция реализуется в полной мере только по отношению к рассказу о Константине, а остальные названные правители оказываются на периферии повествования, и сроки их царствований оказываются лишь соотносимыми с продолжительным правлением главного героя и не идут с ним ни в какое сравнение.

Например, рассказ о деяниях Константина начинается в связке с упоминанием положения его отца, Констанция Хлора, а также с указанием на напряженные отношения с Галерием, при дворе которого молодой Константин находился в качестве заложника [*Origo*, II, 2]. С этого факта заложничества и начинается как бы введение в собственно «жизнеописание» главного героя. Введение констатирует факты храброго поведения Константина в войнах с варварами, рассказывает о его бегстве к отцу в Британию и завершается кратким, но изумительным по конъюнктуре сообщением о провозглашении его императором, причем «единодушно» и «всеми войсками» [*Ibid*, II, 4].

Подобный финал «введения» логично переходит в обоснование активизации Константина при кризисе второй тетрархии, когда после назначения новых цезарей произошла узурпация власти Максентием, следствием которой стала война последнего с Севером и Галерием. Фактология этого кризиса выглядит тщательно проработанной и подробной вставкой в текст, посвященный вхождению главного героя предыдущего рассказа во власть (*Ibid.*, III, 5—11). Отсюда понятны пропуски в описании деятельности Константина между провозглашением его императором в Эбораке до появления с войском в Италии в 312 г.: автору *Origo* будто ничего не известно о пребывании его героя в Галлии, т. е. об укреплении его позиций в Арелате, о съезде тетрархов в Карнунте, о войнах с германцами у Рейна и, главное, о многих важных нюансах в отношениях Константина с соправителями, в том числе с его тестем Максимяном.

Аноним возвращается к своему герою, когда тот, «после того как одержал победу над полководцами тирана (т. е. Максентия. — *А. К.*) под Вероной, устремился к Риму» [*Ibid.*, IV, 12]. Бегло описав в данном разделе победоносную кампанию Константина против Максентия, автор сосредоточился на главной части своего труда — повествовании о фазах борьбы

с Лицинием [Ibid., V, 13—29]. Первое, что здесь бросается в глаза, — отсутствие какого-либо упоминания о конфликте между Лицинием и Максиминем Дазой. Это легко объяснимо тем, что данный конфликт имел весьма косвенную связь с событиями, имеющими прямое отношение к главной сюжетной линии повествования, т. е. к векам превращения Константина в единоличного правителя империи. Второе, что может смутить знатока истории тогдашних событий, — это то, что наряду с тщательно фиксируемыми основными фактами последующей борьбы за эту власть аноним опускает ряд существенных моментов в легитимации Константина после победы над Максентием. Как известно, Константин был объявлен освободителем Рима, восстановителем свободы римского народа и *urbis* в целом, а также основоположником мира и общественного спокойствия [см.: Grünewald, S. 63]. Разумеется, среди многочисленных надписей, отражающих такого рода именования, особое место занимает посвященная эпитафия триумфальной арки, сооруженной от имени сената и народа [см.: L'Orange; Ruysschaert, p. 79—100; Weitzmann, p. 67—69; Stephenson, p. 151—158]. Есть еще более важное обстоятельство: римский сенат присвоил тогда победителю титул *maximus Augustus* [Lactance, 44.11], а это позволяло Константину претендовать на звание наивысшего по рангу августа [Grünewald, S. 87]. Подобную инновацию по расширению императорской титулатуры специалисты рассматривают, увязывая упомянутый пассаж Лактанция с датой 29 октября 312 г. [см.: Barnes, p. 46; König, S. 7]. То, что свидание Константина и Лициния в Милане автор *Origo* практически не упоминает, сообщая лишь о договоренности императоров о том, что свадьба Лициния и Констанции, сестры Константина, должна состояться в этом городе, также вполне укладывается в соответствие композиции первой части Анонима его концепции. В самом деле, после победы над Максенцием Константин, став хозяином в западной части империи, усилился настолько, что мог принуждать Лициния к определенным договоренностям⁸. Кёниг резонно полагает, что следует исходить из факта использования Константином своей сестры для принуждения Лициния следовать (хотя бы на время) курсу победителя — принять все решения сената и религиозно-политическую программу Константина, предусматривающую распространение на подконтрольные обоим императорам провинции всех положений эдикта Галерия о веротерпимости [König, S. 111]. Формулировки этого соглашения, изложенные

⁸. Об императивном характере соответствующих действий Константина пишет Псевдо-Аврелий Виктор: «Он выдал сестру свою, Констанцию, замуж за Лициния, вызванного в Медиолан» [Pseudo-Aurelius Victor, LXI, 4]. О вызове Лициния в Медиолан пишет и Зосим [Zosim., II, 17.2] [см. об этом: Feld, S. 9, 87].

в версии Лактанция, хорошо известны: «...собрались в Медиолане и занялись всем тем, что касается народных выгод и благополучия», «решили, что прежде всего следует распорядиться касательно тех, кто сохранил богопочитание, о том, что мы даруем и христианам, и всем прочим возможность свободно следовать той религии, какую кто пожелает, с тем, чтобы божественность, какая б то ни была на небесном престоле, могла бы пребывать в благосклонности и милости к нам и всем тем, кто находится под нашей властью» [Lactance, 48.2—13] и т. д. Специалистами, однако, давно установлено, что за этими формулировками, кроме всего прочего, стояло намерение распространить действие данных решений и на территорию, подконтрольную Максимино Дазе, а это превращало Константина и Лициния пусть во временных, но военных союзников [см. об этом: Anastos, p. 13—41; Van Dam, p. 168]. Все эти «тонкости» политических маневров Константина, не вписывающиеся в трактовку его прямолинейного шествия во власть, в *Origo* отсутствуют. Зато присутствует констатация назначения Константином в качестве своего цезаря Бассиана, личности неизвестной по иным источникам [см., например: Seeck, 1897, Hbd. 5, Sp. 106; Jones, 1971, p. 150] и потому непонятной, если поставить вопрос об ее месте в системе власти Константина и Лициния. Можно лишь уверенно предполагать, что поскольку Бассиан оказался в должности цезаря, то должен был иметь за плечами неплохую военную карьеру и опыт управления какой-то группой провинций. То, что позиция Бассиана была достаточно серьезной, говорит факт женитьбы его на Анастасии, второй сводной сестре Константина [Origo, V, 14]. Нельзя не принять во внимание предположение Кёнига о мотивах выдвижения Бассиана в цезари: после падения Максимино Дазы сфера влияния Лициния заметно расширилась, и для возобновления равновесия сил между ним и Константином нужен был новый младший соправитель, устраивающий обе стороны [см.: König, S. 114]. Действительно, для Лициния Бассиан мог быть приемлем тем, что при дворе Лициния немалую должность занимал Сенецион, брат Бассиана, поэтому не исключено, что и сам Бассиан был выходцем с этого двора.

Origo — единственный источник, сообщающий нам о Бассиане, Сенеционе и драматических событиях, связанных с этими политическими фигурами. Аноним приписывает инициативу в возвышении Бассиана Константину, и если так оно и было, то понятно, что брак Бассиана с Анастасией мог рассматриваться Лицинием как нарушение достигнутого было равновесия сил. Отсюда использование Лицинием Сенециона для подстрекательства выступления Бассиана (которому была предоставлена в управление Италия) против Константина [Origo, V, 15]. Но примечательно

то, что, хотя толчком к разрыву отношений между Константином и Лицинием, по тексту Анонима, выглядит отказ Лициния выдать на суд интригана Сенециона, автор в конечном счете проговаривается: «оба сошлись в открытой войне» [Ibid.]⁹.

В своем кратком, но насыщенном фактологией рассказе о Кибалийской войне Аноним выдает информацию, превышающую по ценности и надежности ту, которую предоставляют другие источники, включая «Новую историю» Зосима. *Origo* называет соотношение сил обеих сторон перед битвой при Кибалах, указывает на потери Лициния (умалчивая о потерях его соперника) и даже указывает, что Лициния при всех этих перипетиях сопровождали жена и сын [Ibid., V, 17]. Кроме того, Аноним существенно дополняет данные нумизматики об Аврелии Валерии Валенте (которого Лициний позже назначил августом) сообщением, что этот человек был «командующим пограничной линией». В описании кануна и хода решающего сражения соперников на Ардийской равнине также содержится существенная деталь, не присутствующая в иных документах: накануне схватки Лициний начал с Константином переговоры, закончившиеся, однако, неудачей [Ibid.]. Нельзя не отметить, что топоним *Campus Ardiensis* (*Mardiense* — в конъектуре Моммзена) применительно к этим событиям фиксирует только *Origo*. Кроме того, наш источник не преминул отметить промах разведки Константина, проглядевшей отход разбитого противника в Берию. Что же касается новых переговоров, инициатором которых выступил Лициний, то Аноним, зафиксировав в качестве их результата значительное сокращение сферы влияния Лициния в Европе (источник называет конкретные европейские провинции, которые Лициний сохранил), подчеркивает, что побежденный «обещал сделать то, что ему будет велено» [Ibid., V, 18]. Таким образом, Константин представлен источником не просто как безусловный победитель на данной фазе гражданской войны, но как *victor*, диктующий условия мира, как высший по рангу император, и это подтверждается следующим пассажем, согласно которому новое назначение цезарей производится «в согласии с отсутствующим Лицинием». Но впечатление о безоговорочности триумфа Константина снижается тем, что, приводя свидетельства фактического укрепления политико-фамильных связей между Константином и Лицинием (ибо цезарями сделались их сыновья), Аноним заключает: «так в единодушии осуществлялось бы правление со стороны того и другого». Подкрепляется подобная оценка ситуации

---

⁹. О возможных мотивах развязывании войны со стороны Константина см.: [Kienast, S. 158–160].

финальным штрихом под данным этапом политической драмы — констатацией нового совместного консульства Константина и Лициния, которое, как известно, пришлось на 315 г.

Перед описанием второй войны между Константином и Лицинием, как уже отмечалось выше, текст нашего источника содержит пассаж, взятый из сочинения Орозия [Oros., VII, 28.18], но отличающийся от его информации тем, что начинается с упомянутой констатации консульства Лициния и Константина. Эта композиция примечательна тем, что в именовании консулов Лициний стоит на первом месте, что странно для традиции, которой следует *Origo*, всегда ставя в центр внимания своего главного героя. Следовательно, можно предположить, что здесь в тексте Анонима содержался пассаж, который был заменен тезисом из Орозия. В качестве содержания этого пассажа обычно предполагается описание военных акций как Лициния, так и Константина, так как текст источника строит далее изложение с событий 322—323 гг. [см.: König, S. 8]. Действительно, следует помнить, что Аноним (насколько об этом позволяет судить текст его сочинения в целом) предпочитает не останавливаться на управленческих мероприятиях или на внешних войнах того времени, так как подобные сюжеты не работают на основную тему его труда — восхождение Константина к единоличному господству. Подобный принцип, которому следует автор, немного корректируется изложением событий после 324 г. Нельзя при этом не заметить еще раз, что разделы 19 и 21 тематически примыкают друг к другу, а уже упомянутая выше интерполяция об изгнании Лицинием христиан из своего двора [Origo, V, 20] скорее нарушает стройность рассказа, нежели подкрепляет ее. Поэтому слова «когда Лициний и Константин были консулами, в областях Востока», с которых начинается раздел 20, можно считать личной конъектурой интерполятора-христианина, который в иной форме повторил тезис, завершающий раздел 19.

Сказанное о разделах 19—21 можно подтвердить также и тем, что анонимный автор, называя причину нового конфликта между соправителями, видит ее не столько в негативных чертах характера Лициния (как это делает неизвестный нам интерполятор в разделе 19), а в военном вмешательстве Константина в тревожную ситуацию во Фракии и Мезии, ставших объектами вторжений готов. Согласно *Origo*, Лициний не стеснялся в отрицательной реакции на это вмешательство и, по сути, провоцировал Константина. Однако тезис источника о том, что Лициний своим поведением «заслуженно возбудил гнев Константина» [Ibid., V, 22] необязательно связывать со стремлением возложить вину за новое гражданское противостояние на соперника главного героя повествования. Когда О. Зеек

в свое время писал, что «Constantin... durfte in das Gebiet seines Mitregenten nach dem Vortrage von 314 nicht übergreifen» [Seeck, 1897, Bd. 1, S. 176], то он не учитывал ранг Константина как *maximus Augustus*, но именно этот ранг делал героя Origo ответственным за состояние дел во всех уголках империи. Правда, это ничего не меняло в том факте, что Лициний справедливо ощущал в действиях шурина угрозу для себя.

Следует отметить, что в ткань рассказа в данном месте, как и в случаях с описанием нравов Севера и Галерия [Origo, IV, 9, 11], вплетается мотив неприглядного стиля правления Лициния [Ibid., V, 22], безусловно оправдывающий выступление против подобного государя. Такого рода топос классического тирана выступает не только негативно-поведенческим стереотипом, но и обретает важную, характеризующую конкретный момент функцию. Он весьма облегчает вышеупомянутому интерполатору-христианину задачу изобразить Лициния как преследователя христиан в разделе 20, а значит, работает на впечатление о справедливости войны против такого правителя.

Однако Аноним в известной степени снижает уровень такого впечатления тем, что в первом же тезисе о начале нового противостояния между соправителями отмечает, что «мир был нарушен по желанию обоих» [Ibid., V, 23]. Структура такого рода текстуальной оппозиции тезисов та же самая, что и в разделе 15, где, как уже отмечалось, причиной разрыва императоров вроде бы назывался отказ Лициния выдать интригана Сенициона, а потом признавался факт, что «оба сошлись в открытой войне». Нельзя не заметить, что подобный повествовательный казус Анонима отражает, видимо, общее место в оценке описываемой ситуации позднеантичными писателями. Так, Псевдо-Аврелий Виктор, с одной стороны, совершенно разделяет топос классического тирана применительно к Лицинию¹⁰, а с другой — хвалит его за то, что как человек, выросший в деревне, он был «полезен земледельцам», за борьбу по соблюдению «старинной дисциплины» в армии и за отпор своеволию «евнухов и других придворных служащих» [Pseudo-Aurelius Victor, XLI, 9—10]. В итоге само содержание и тон негативного изображения Лициния Псевдо-Аврелием Виктором не столь контрастны по сравнению с характеристиками Origo, что позволило И. Шлumberгеру в свое время назвать указанный набор положительных отзывов о сопернике Константина «предположительно критичным мнением сенаторов» [Schlumberger, S. 198—199].

¹⁰ «Своей алчностью до денег он превзошел всех, не чуждался он и излишеств в властолюбии, был очень суров и раздражителен, враждебно относился к наукам, которые по своему безмерному невежеству называл ядом и чумой для общества, особенно ораторское искусство» [Pseudo-Aurelius Victor, XLI, 8].

Евсевий Кесарийский и в «Церковной истории», и в «Жизнеописании Константина» безоговорочно придерживается вышеназванного топоса [Eusebius, 1952, X, 8.11—13; 1975, I, 55], что неудивительно, учитывая целеполагание и жанр обоих этих произведений [см.: Sirelli, p. 31—134; Кривушин, с. 9—10; Ващева, с. 163—166, 169—171]. Что же касается формулировки Анонима «мир был нарушен по желанию обоих», то она по духу своему очень близка тезису опять-таки Псевдо-Аврелия Виктора: «...поскольку носители власти редко соблюдают между собой согласие, между Константином и Лицинием возникает раздор» [Pseudo-Aurélius Victor, XLI, 5]. Примечательно, что в бревиарии Евтропия виновником и инициатором войны назван Константин, желавший «быть первым во всем свете» [Eutrop., X, 5]. Однако амбивалентность в оценках ситуации присутствует, пусть в ослабленном виде, и в тексте Евтропия, т. к. ниже он допускает явно нейтральный пассаж: «После этого они еще много воевали; мир заключался и нарушался неоднократно» [Ibid., X, 6.1]. Именно оценка событий, данная Евтропием, в конечном счете возобладала в новейшей историографии [см.: Besnier, p.374; Vogt, S. 194 u.folg.; Feld, S. 114—115; Jones, 1964, p. 82; Smith, p. 162].

Таким образом, если снова обратиться к тексту нашего источника, то совершенно ясно, что война Константина с готами на территории, подконтрольной Лицинию, была не причиной, а толчком к новому гражданскому противостоянию. Вопрос о том, кому из соправителей оно было обязано более всего, Анонимом не ставится вообще, тем более что суждение на данную тему оказывается приговором *ex eventu*. Рассказ Origo, полагает Кёниг, касаясь данного вопроса, дает понять, что в данном случае Константин планировал против Лициния «тотальную войну, которая могла завершиться в его пользу только вторжением в Дарданеллы и Геллеспонт» [см.: König, S. 9].

Именно при описании этой войны источник впервые изображает Криспа, сына Константина, в качестве военачальника. Аноним практически оставляет в тени вопросы о возрасте, личности и карьере этого человека, о чем ранее сообщил только то, что в 317 г. он стал цезарем. Отсутствие подобной информации (отчасти сообщаемой другими источниками) [см., в частности: Pohlsander, p. 79—106] в Origo легко объяснимо, так как до описания новой гражданской войны, в которой Крисп участвовал на стороне отца, она была совершенно не нужна, ибо не работала на концепцию повествования.

Рассказывая о войне 324 г., источник опять-таки строго следует последовательности важнейших ее событий. Однако в этой картине присутствуют и новые мазки. Так, в отличие от описания битвы при Кибалах

[Origo, V, 16], в рассказе о сражении при Адрианополе не называются силы соперников [Ibid., V, 24]. То, что Аноним мог не иметь соответствующего источника информации, косвенно подтверждает Зосим, который называет только цифру потерь в этом сражении. Отсутствие в *Origo* даже таких данных легко объяснить концептуальной установкой нашего источника. В самом деле, не говоря о потерях той и другой стороны, Аноним пафосно заявляет, что успеху в сражении Константин был обязан дисциплине и боевому духу своей армии. Кроме того, нельзя забывать, что именно в этом рассказе упомянуто ранение Константина в сей битве, что явно намекает на активное личное участие императора в схватке. Данный пассаж великолепно напоминает примеры личного воинского мужества героя повествования в годы его юности [Ibid., II, 3]. Никакой натяжки в этих фактах нет — даже весьма критичный по отношению к Константину Зосим не отрицает его личного присутствия, например, среди сражающихся при Кибалах [см.: Zosim., II, 18.2—4]. Иными словами, ранение героя повествования в данном случае также работает на его имидж образцового императора-воина. То, что этот образец принадлежит сугубо античной модели, подтверждается и тем, что, кроме дисциплины и порядка в воинских рядах Константина, одной из причин победы называется *felicitas*. Примечательно, что Аноним не сопровождает данное утверждение каким-то морализаторством или философским рассуждением. Поэтому указанные причины успеха Константина служат в тексте также и средствами дисквалификации Лициния, не сумевшего разумно расположить боевые порядки и т. п. В итоге совокупность всех этих изобразительных средств еще раз представляет Лициния неразумным политиком, тираном, к которому *felicitas* отнюдь не благосклонна, в то время как статус его соперника (*bonus princeps*) получает дополнительное подтверждение.

Рассказ о последующих актах гражданской войны 324 г. (осада Константином Византия, неудачные морские операции флота Лициния, уход Лициния в Малую Азию) лишь умножает составляющие, с одной стороны, мотива «благого государя» применительно к Константину и, с другой стороны, мотива тирана-неудачника применительно к Лицинию. В композиции этого рассказа присутствуют новые моменты, работающие на главную идею Анонима. Например, при изложении мер Лициния по ликвидации блокады Византия источник сообщает, что «Лициний по обычному легкомыслию сделал себе цезарем Мартиниана» [Origo, V, 25]. О том, что Мартиниан был провозглашен цезарем, говорят все нарративные источники (за исключением Аврелия Виктора). Аврелий Виктор его новой должности не называет вообще. Но нумизматический материал свидетельствует,

что Мартиниан получил ранг августа [см. об этом: Barnes, 1982, p. 15; König, S. 156]¹¹. Кроме того, хотя из всех источников только Аноним называет нам место очередного морского сражения в этой кампании (Каллиполь), он, однако, умалчивает, что большая часть флота Лициния была погублена штормом¹². Для нашего безымянного автора важно было лишь подчеркнуть, что победителем в морской битве стал Крисп, сын Константина. Кроме того, Аноним применяет здесь тот же прием, как и в рассказе о битве при Адрианополе: он не называет числа потерь и соотношения сил соперников вообще, хотя Зосим этими данными располагал и использовал их в своем подробном рассказе [см.: Zosim., II, 24].

Ситуация с рассказом о противостоянии соперников в Малой Азии, и прежде всего о битве под Хрисополем, иная. Конечно, Аноним — единственный источник, называющий место этой схватки. Однако, в отличие от обзоров сражений под Адрианополем и у Каллиполя, здесь он приводит одну цифру — численность разбитых войск Лициния. Численность потерь со стороны его соперника не называется. Кстати, аналогична ситуация и с соответствующими данными, приводимыми Зосимом [Ibid., II, 26.3], из чего можно предполагать, что такого рода сведения для того и другого автора оказались недоступны.

Финал гражданской войны преподнесен Origo практически точно так же, как и другими источниками, затрагивающими этот сюжет [см.: Pseudo-Aurélius Victor, XLI, 7; Zosim., II, 28.1; Ioannis Zonarae, XIII, 1], — с обязательным подчеркиванием посредничества Констанции при заключении мирного договора (Origo, V, 28). Но именно здесь начинается один

¹¹ Надо отметить, что должность магистра оффиций, которой обладал Мартиниан до этого, была на тот момент относительно новой [см.: Jones, 1971, p. 563] и пока что не предусматривала каких-то военных прерогатив [Stein, p. 113; Clauss, S. 16 u. folg.]. Однако, как демонстрирует Расписание должностей, ранг магистра оффиций эволюционировал, в том числе и на базе *tribuni praetoriani*: иначе говоря, до 324 г. предполагал выполнение определенных военных функций. В этом случае выдвижение Мартиниана в чрезвычайной обстановке вполне логично: ему можно было поручить защиту Геллеспонта, а ставкой сделать Лампсак [см.: Andreotti, p. 1059]. Если все было так, то, в отличие от своего противника, имевшего в кампании в качестве помощника сведущего в военном деле члена собственной фамилии, Криспа, Лициний делал ставку на крупного вельможу, не являвшегося ему родственником. И если в свое время, провозглашая своим соправителем Валента, Лициний мог иметь целью воспрепятствование переходу на сторону Константина этого авторитетного военачальника (что было весьма актуально после проигрыша кампании в начале октября 314 г.), то теперь, если принять во внимание гипотезу Кёнига, он делал зависимым от себя Мартиниана и мог не опасаться узурпации со стороны нового августа.

¹² Об этом шторме сообщает Зосим: [см.: Zosim., II, 24].

из самых загадочных разделов в более или менее стройном и достоверном повествовании Анонима, ибо раздел этот представляет из себя цезуру, возникшую благодаря вставке в образовавшийся текстуальный люфт фрагмента из сочинения Орозия. Речь идет о такой щекотливой для биографии героя *Origo* ситуации, как обстоятельства, сложившиеся вокруг казни Лициния и Мартиниана. Конечно, благодаря другим источникам мы располагаем данными о роли Константина в этой трагедии, однако возможность реконструкции недостающих в данном случае строк *Origo* с помощью весьма субъективных сообщений Евтропия, Зосима, Евсевия, Иеронима и других остается проблемой. Безусловно, позиция Анонима в отношении Константина близка к панегирической, но мы уже видели, что она то и дело пронизывается объективным отношением к событиям. Поэтому тот факт, что раздел *Origo* (V, 29) заполнен известными формулировками Орозия, позволяет предполагать былое существование в этом месте весьма нелицеприятных суждений или набора фактов, не выгодных для образа Константина как образцового государя, хотя и максимально близких к действительности (как и вся информация *Origo* в целом). Примечательно, что о степени упомянутой цезуры в источнике можно судить по факту испорченности в данном месте рукописи цифры, говорящей о продолжительности правления Лициния¹³.

Не должно смущать, что Аноним, сообщая о том, что жена Лициния и сын пережили его, казалось бы, делает ошибку, так как у Лициния было два сына. Речь в источнике, конечно же, идет о Констанции и ее сыне, но отнюдь не о внебрачном сыне Лициния, судьба которого после 326 г. засвидетельствована Феофаном и данными законодательства. Нам неизвестно, был ли он усыновлен Констанцией после заключения ее брака с Лицинием, но известно, что после падения отца он был лишен императорского ранга [*Theoph.*, 5815] и по распоряжению Константина отправлен в Африку, где был превращен в раба, высечен и закован в кандалы [см.: *Codex*, IV, 6.2]. Известно также, что он бежал, был схвачен, снова закован и направлен на работы в государственных ткацких мастерских в Карфагене [*Ibid.*, VI, 6.3]. Аноним не сообщает об этом ничего, ибо судьба этого Валерия Лициниана Лициния, бывшего цезаря, не имела к развитию главной темы *Origo* никакого отношения.

Особое внимание нашего источника к основанию Константинополя объясняется исключительной ролью этого события для цели сочинения Анонима — оно является кульминацией становления главного героя

¹³ Восстановить эту цифру помогает Хронограф 354 г. [см.: *Chronographus*, p. 148.38].

единоличным правителем империи [см.: König, S. 12]. Логика текста безупречна: переименование Византия в честь сокрушителя тиранической власти Лициния («в память о выдающейся победе» — Origo, VI, 30) оказывается знаковым явлением [Brandt, S. 137]. Подтверждает это и последующий пассаж: «Как будто свою родину он украсил его с великолепной пышностью и пожелал уравнивать с Римом». В самом деле, в полном соответствии с традициями идейно-политической пропаганды действий античного государя, являвшегося одновременно первым гражданином в государстве, политиком, следовавшим образцу Александра Великого и других эллинистических правителей, Константин обязан был возвышать все свои резиденции, и недаром, как отмечено в первых разделах Origo, «впоследствии великолепно украсил» Наисс, свой родной город [см.: Origo, II, 2]. Но Византий, становясь очередной резиденцией Константина, в то же время становился первой резиденцией е д и н о л и ч н о г о п р а в и т е л я д е р ж а в ы, т. е. основателя не просто новой династии, а потенциально новой системы власти. Процедуры придания какому-то городу (месту рождения кого-либо из прежних императоров или месту кульминации его успехов) подобного сакрального значения раньше просто не существовало. Видеть в Константинополе на тот момент то же сакральное качество, что было присуще Риму (метрополии империи)¹⁴, также не следует: признаки такого качества присутствуют только при Констанции II. Что касается Анонима, то он совершенно определенно пишет о намерении своего героя «уравнивать» свою новую резиденцию с Римом только по уровню внешнего блеска, это подтверждается и последующим пассажем текста нашего источника, содержащим даже определенную критику Константина за чрезмерное усердие в подобном деле. Нельзя также не учесть резонное замечание Кёнига относительно отношения императора в новой ситуации к римскому сенату, которому он был обязан титулом *magnus* и рангом *maximus Augustus*. Ибо после победы над Лицинием и превращением в единоличного правителя империи прежние политические комбинации потеряли свою актуальность [см.: Alföldy A., 1952, p. 12—13]. Однако все такого рода нюансы новой политической идеологии Аноним обозначает только скупыми фразами, не разъясняя ее и не делая на ней серьезного акцента, так как для основной темы Origo таких разъяснений не нужно.

Что же касается недовольства тратами императора на украшение своей новой резиденции, то в этом наш источник не оригинален: критика

¹⁴ О заметном возрастании роли Рима и его знати в IV в., что требовало повышения почтения к Вечному городу и его сакральному прошлому и настоящему, см.: [Alföldy A., 1952, p. 14–15].

опустошения для подобной цели государственной казны имела место уже при Констанции II [L'Empereur Julien, *Or.*, I, 6]¹⁵. Наоборот, осторожное порицание дарования константинопольским сенаторам титула *clari* (что редуцировало их ранг по сравнению с сенаторами Рима) формально выглядит в тексте *Origo* совершенно объективным приемом [*Origo*, VI, 30]. Однако для логики текста *Origo*, во-первых, важно то, что сразу за этим сообщением идет информация о характере сената, учрежденного Константином в новой столице — «*senatum constituit secundi ordinis*». Подобный термин был более характерен в то время для политического лексикона Запада [см.: Alföldy G., p. 197; ср.: Dagron, p. 120, n. 1], сенаторская знать которого снисходительно относилась к восточным коллегам. Во-вторых, ряд других источников, и прежде всего эпиграфический материал, свидетельствуют, что сенаторы Константинополя с самого начала носили тот же титул, что и римские [см.: Chastagniol, p. 345]. Во всяком случае, при Констанции II равенство в положении сената Константинополя и сената Рима было уже неоспоримым фактом [см.: Piganiol, p. 387; Dagron, p. 124]. Учитывая, что Аноним написал свой труд в конце IV в., подобное умолчание (или даже определенное искажение) ситуации с титулатурой сенаторов выглядит конъюнктурно. И, наконец, в-третьих, данными пассажами интерес Анонима к сенату и народу Константинополя исчерпывается. Учитывая общее позитивное отношение автора *Origo* к своему герою, это лишний раз склоняет к предположению, что Аноним в своих воззрениях далек от особого внимания к обоим столицам империи. Ведь о Риме в его труде вообще не нашлось хотя бы минимума восторженных слов. Констанция угрожал Галерия уничтожить город во время борьбы с Максенцием [*Origo*, III, 6—7], суховатый и предельно краткий рассказ о сражении у Мульвийского моста [*Ibid.*, IV, 12] — вот, пожалуй, и все, что автор считает нужным сказать о столице Запада.

Сжатая, немногословная информация о создании сената Константинополя, сопрягаясь с краткостью всего рассказа об основании новой императорской резиденции, безусловно свидетельствует о том, что основательное развертывание такого рода сюжета ничего не прибавило бы к главной теме *Origo*. Тем не менее нельзя не принять во внимание указание Ж. Дагрона на то, что Константин задолго до последней войны с Лицинием намеревался создать новую столицу и дать ей свое имя, задумываясь при этом о таких центрах, как Сердика, Фессалоника, халкидон и Илион (Троя) [Dagron, p. 29—30]. В суждении Дагрона присутствует некоторая

¹⁵ На мой взгляд, наиболее важные интерпретации подобной политики Константина см.: [Jacoby, p. 81 sq.; см. также комментарий в ж. «Вопросы истории», 1962, № 5, с. 191—192]; Dagron, p. 32—33, 62—64; Beek, S. 12—13; Mango, p. 51].

натяжка, так как основательно познакомиться с топографией Балкан и Малой Азии Константин мог только во время или после войны 324 г. Именно в ходе этой кампании император имел возможность лично убедиться в стратегическом значении Византия, в его относительной близости к узловым военным направлениям империи (к дунайской границе и границам с Персией) [см.: Kubitschek, Sp. 1116—1158; Janin, p. 12—13], хотя известную информацию на этот счет главный герой Origo наверняка получал, когда был заложником при дворе Диоклетиана или служил в войсках на Дунае под началом Галерия [см.: Origo, II, 3]. Если исходить из данных нумизматики, ремонтные работы в Византии после войны с Лицинием шли по крайней мере с 325 г.¹⁶ Неизвестно, возник ли именно во время этих работ план новой резиденции, но, по мысли Кёнига, слова Анонима о переименовании Византия в Константинополь в память о победе можно понимать именно так [см.: König, S. 169].

Глубокое впечатление Константина от стратегического положения Византия¹⁷, если оно возникло во время осады города, конечно, не означало, что именно тогда у императора родилась идея о создании здесь «нового Рима». Кёниг полагает, что такой план мог оформиться только с выпуском упомянутых выше монет или немного погодя. Нельзя не учитывать, что, согласно Зосиму, именно тогда достигла кульминации отчужденность в отношениях между императором и римским сенатом, недовольным, кроме всего прочего, имевшим место ранее отказом императора принести жертву Юпитеру в храме на Капитолии [см. об этом подробно: Straub, S. 100—118]¹⁸. По Зосиму, именно обвинение Константина в *impietas* побудило императора искать себе новую столицу [см.: Zosim., II, 29.5]. Но подобному радикально-оппозиционному тезису, явно бытовавшему еще при жизни основателя Константинополя, тогда же противостоял официальный контраргумент в одном из законов 334 г., обосновывавший создание нового центра империи исполнением воли Божьей [Codex, XIII, 5.7]. Следует только оговориться, что Зосим писал

¹⁶ Согласно изысканиям П. М. Брууна, константинопольские монеты с именем Криспа и монеты с именем Фаусты поступили в обращение в 326 г., т. е. до гибели этих близких императору людей [см.: The Roman, p. 562—563].

¹⁷ То, что подобные оценки географического и стратегического положения древнего Византия не были редкостью в поздней Античности, говорит рассказ Зосима об этом полсе и его месте на Боспоре [см.: Zosim., II, 10.2—3; см. также: Janin, p. 16—20].

¹⁸ И. Штрауб датировал этот отказ Константина 312 г. и истолковывал как резонный поступок правителя, обратившегося к Христу. Ф. Пашу, основательно проанализировавший этот текст Зосима, сделал, очевидно, справедливый вывод о двух визитах Константина в Рим [см.: Pashoud, p. 223—224].

свою «Новую историю» на рубеже V—VI вв., хотя названная антиконстантиновская инвектива могла возникнуть и раньше. Соответственно отмеченный контраргумент необязательно мог появиться именно в дни рождения Константинополя. К тому же она отнюдь не касается какого-то особого христианского статуса новой императорской резиденции. Достойна всяческого внимания мысль А. Алфёльди, что подобная идея должна была сопровождать процесс превращения Константинополя в христианскую столицу империи (в противоположность Риму) [см.: Alföldy A., 1948, p. 101—115]. Но идея Константинополя как христианского императорского града впервые, пожалуй, со всей четкостью (но тоже лапидарно) предстает только в *Vita Constantini* Евсевия, т. е. уже после смерти Константина. Но это вовсе не означает, что она превращается тогда же в превалирующую официальную доктрину. Х. Брандт в одной из своих последних монографий приводит четкие, последовательные аргументы в пользу того, что Константинополь (в том числе — в церковно-архитектурном, скульптурно-монументальном и идейно-политическом облике) становится христианским Новым Римом постепенно — во времена Констанция II, Феодосия I и Аркадия [см.: Brandt, S. 144]. Что касается терминологии *Origo* относительно реальной ведущей идеи Константина на момент создания новой резиденции, то терминология эта предельно корректна: император даровал городу свое имя *ob insignem victoriae memoriam*. Соответственно в центре города прежде всего был воздвигнут не какой-то христианский храм, а памятник в честь морской победы при Каллиполе, увенчанный статуей Ники [см.: Alföldy M.].

М о т и в п о б е д ы, сопровождающий деяния Константина и его фамилии, играя конструктивную роль для раскрытия главной темы *Origo*, вновь звучит после рассказа об основании Константинополя, но уже при сообщении о войнах Вторых Флавиев с сарматами и готами. Здесь вновь всплывает имя Константина Младшего, руководившего готской кампанией, причем сопровождается оно, во-первых, цифрой потерь готов, а во-вторых, фактом выдачи готами заложников для гарантии мирного соглашения. Точность Анонима в этом сюжете подкрепляется сведением, не имеющим места в других источниках, о том, что среди заложников был сын готского короля Ариарика [*Origo*, VI, 31]. Кстати, говоря о готской политике Константина I, даже Иордан, знающий имя Ариарика, ничего не сообщает об упомянутых заложниках [см.: Jordanes, 112]. Связанный с рассказом о готской войне сарматский сюжет добавляет в мотив побед Константина новые краски: благодаря усмирению сармат как бывших ненадежных союзников, герой Анонима воспользовался восстанием против сармат их «рабов» (Аммиан Марцеллин в своем подробном рассказе на

данную тему говорит об этносе сармат-лимигантов, вышедших из повиновения «свободным сарматам») [Demougeot, p. 68], и, приняв в империю теснимых врагами этих самых «свободных сармат» (возможно, в статусе *laeti*) [см.: König, S. 15], расселил их в нескольких районах империи, разрушая тем самым племенную компактность варваров. Число переселенцев-варваров, названное Анонимом (триста тысяч человек), явно преувеличено, ибо в этом случае империи пришлось бы иметь дело по крайней мере с 50—60 тысячами боеспособных воинов [Ibid., S. 14, 177], и сообщение Евсевия о том, что «способных носить оружие присоединил к своим войскам, а другим для пропитания отвел земли, которые они должны были обрабатывать» [Eusebius, 1975, IV, 6], только уточняет новый статус варваров, подтверждая в целом достоверность пассажа Origo и весомость мотива победы.

В самом деле, на основной сюжет трактата — восхождение Константина к единоличной власти — информация об этих войнах с варварами формально не работает. Однако она еще раз утверждает статус героя повествования как «благородного государя», чьи качества и позволили ему встать во главе империи. Указанные победы — и это прямой намек рассказа — позволили закрыть дунайскую границу, оставленную неудачником-тираном Лицинием в пренебрежении. Плюс к тому надо учитывать, что Аноним счел нужным упомянуть в своем рассказе именно эти кампании против варваров, осуществленные его героем, а не войны на Рейне. Не случайно после завершения в 332 г. сражений на Дунае Константин не только очередной раз обретает титул Готского, но и не прилагаемый ранее к подобной ситуации эпитет *triumphator* (известен по рескрипту, адресованному гражданам Оркиста)¹⁹. Также не случайно в данном случае официальные документы при именовании победных титулов императора употребляли только термин «Готский», не прибегая к перечислению других подобных титулов — «Германский», «Аламаннский», «Адиабенский» и т. д. Вероятно, прав Т. Грюневальд, полагая, что дело здесь не в скромности императора, а в стремлении подчеркнуть исключительность дунайских кампаний 324—332 гг. [см.: Grünewald, S. 149]. Кроме того, пассажи Анонима об этих кампаниях имеют еще несколько функций в организации причинно-следственных связей повествования. Во-первых, они поддерживают стройность композиции Origo, не допуская цезуры в описании событий между основанием Константинополя и смертью Константина. Во-вторых, они оказываются нитью, увязывающей пассаж о достигнутой безопасности на Дунае с сообщением о последующем разделе империи

¹⁹ Рескрипт был дан между ноябрем 324 г. и летом 326 г. [см.: Grünewald, S. 148—149].

на сферы влияния членов фамилии Вторых Флавиев: Константин Младший, прославивший себя в войнах с варварами, получает в управление Галлию [Origo, VI, 33].

Логика композиции нашего источника после текста о войнах на Дунае нарушается еще одной интерполяцией, содержание которой взято опять-таки из сочинения Орозия [Oros., VII, 28.28 sq.]. Содержание этой вставки диссонирует с содержанием и пафосом Origo, повествуя о начале христианского периода в правлении Константина [Origo, VI, 33, 34]. Трудно сказать, указывает ли присутствие подобной интерполяции на существование лакуны в оригинальном тексте нашего источника. Возможно, что интерполятору (который оказался и редактором текста) не по душе стало слишком внезапное завершение повествования трактата или же он с помощью указанной вставки заменял некий неприятный для него пассаж [см.: König, S. 15]. Так или иначе, но если содержательно, как уже говорилось, интерполяция противоречит духу Origo, то композиционно она делает довольно безболезненным переход от рассказа о расселении сармат в империи к пассажи о разделе державы на сферы управления членов семьи Константина. Для читателя-христианина, с другой стороны, текст о торжестве на престоле принцев императоров-христиан и о закрытии языческих храмов — аксиома, если в руках его сочинение о делах Константина. Поэтому привязка к такому тексту информации об уничтожении готов «в самом центре варварской страны» и о подавлении мятежа Калокера на Кипре лишь возвращает логику сочинения к традиционному пафосу Origo относительно образа «благого государя». Правда, могло быть и так, что в оригинальном тексте трактата сведений о кипрском восстании просто не существовало, но по времени оно настолько совпадало с церковно-религиозными мероприятиями Константина, что анонимный интерполятор счел прямо-таки необходимым включить в текст Origo подобный пассаж. Во всяком случае, в труде Аврелия Виктора аналогичная информация играет очень похожую роль²⁰. Но смысл этого сообщения Аврелия Виктора как раз указывает на отсутствие какой-либо опасности со стороны Калокера для власти Константина, и если подобная оценка кипрских событий была в то время господствующей, то интерполяция данного пассажа в текст Анонима может рассматриваться как попытка еще раз подтвердить справедливость притязаний на власть лишь такого человека, который отвечает требованию *consensus universorum* [см.: König, S. 15].

²⁰ Это подтверждает даже конструкция текста Аврелия Виктора: «Когда он [Калокер] был замучен и казнен казнью рабов, что было законно, [Константин] с большим увлечением отдался основанию новой столицы, разрешению вопросов религии, а также реорганизации военной службы» [Aurelius Victor, XLI, 11].

Если таким образом подходить к логике указанной интерполяции, то последующий рассказ Анонима (о характере раздела империи на области, управляемые членами фамилии Константина, при сохранении последним верховной власти в империи) выглядит вполне увязанным с композицией и идеей не только вставки, но и трактата в целом. Употребляемая в тексте терминология однозначно указывает, что делегирование в данном случае титулов и полномочий осуществляется исключительно самим Константином, а не обретаются соискателями хотя бы с некоторой долей самостоятельности. Логика основной идеи Анонима, таким образом, сохраняется неукоснительно.

Описание Анонимом кончины своего героя бесхитростно. Упоминание о том, что Константин скончался при подготовке войны с персами, не только служит уточнению времени смерти, но и подчеркивает лишний раз важное качество императора как победоносного воина, оберегающего границы державы. Примечательно также, что Аноним явно не писал (или писал неопределенно) о месте кончины Константина, и этот «недостаток» текста пришлось исправлять опять-таки интерполятору. Последний уточнил, что государь умер «в константинопольском загородном поместье, на государственной вилле недалеко от Никомедии». Однако конкретное место погребения «в Константинополе» не уточняют ни Аноним, ни интерполятор. Происходит это скорее всего потому, что данный факт предполагался как достаточно известный любому читателю, интересующемуся делами Константина.

Рассмотрев логику и причинно-следственные связи в тексте Origo, еще раз отметим, что характеризовать его как сочинение, отвечающее жанру исторической биографии, сложившемуся еще в Ранней империи, некорректно. В самом деле, кроме нескольких указаний на кое-какие обстоятельства жизненного пути юного Константина, «Происхождение» почти не приводит о нем данных личного плана (например, только при описании войн с Лицинием выясняется, что у главного героя были сын Крисп и сестра по имени Констанция). В самой композиции Origo главное — хронологически последовательное описание восхождения героя к единоличной власти и военных коллизий, ведущих к этой цели. Все прочее происходившее в государстве оказывается глубоко периферийной информацией. И. Кениг отметил по этому поводу: «Тем самым мы получаем тематически ограниченный жизненный маршрут Константина, который ведет читателя из Наисса в Никомедию, оттуда в Бононию (Гесориак) и Эборак, а потом — из Британии через Верону в Рим, Кибалы, Филиппополь, Фессалонику, Адрианополь, Хрисополь и Никомедию и, наконец, в Константинополь» [см.: König, S. 16]. Действительно, о том,

что происходило в иных регионах и других сферах бытия империи, а потом превратилось в обязательный атрибут историографии Константина, из *Origo* узнать почти невозможно, а это и борьба с германцами на Рейне, и законодательное обеспечение расширяющихся компетенций героя, обретение должностей, отношения с сенатом, с аристократией, с подданными вообще, с язычниками и христианами. Напротив, обстоятельства и события, тесно увязанные с вышеназванным «жизненным маршрутом», фиксируются очень точно, что делает эту информацию уникальной.

В такого рода композиции вроде бы присутствует дисгармония — описание событий в Италии, касающихся Галерия, Севера, Максимиана и узурпатора Максенция, однако в свете очернения соперников Константина подобные сюжеты оказываются отнюдь не случайными. Продемонстрированная названными легитимными правителями неспособность справиться с вышеозначенным узурпатором была компенсирована, как следует из *Origo*, только военными талантами Константина, который тем самым как бы доказывает свое право на единоличную власть. Тем самым просматривается цель анонимного биографа — показать, что трудности, в которых оказалось государство при Галерии, Севере и Максимиане, устранялись лишь благодаря дарованиям Константина. Мало того, присоединение Лициния к фамилии Вторых Флавиев благодаря женитьбе на Констанции терпит неудачу из-за отрицательных личных качеств, присущих практически всем тетрархам (за исключением Констанция Хлора), «злодейства, жадности, жестокости, сладострастия», т. е. качеств, присущих, согласно ценностной шкале того времени, любым тиранам. Отсюда понятен отказ Анонима от акцента на личных характеристиках своего героя, обязательных для жанра классической античной исторической биографии, ибо демонстрации успехов Константина с лихвой хватает для достижения цели сочинения. Правда, небольшие исключения из такого подхода есть: подчеркивание личного мужества героя (описание, например, пленения им некоего «дикого варвара»), а также сопутствующей ему *felicitas*. В литературе уже отмечалось, что по сравнению со списком проявлений *virtus*, демонстрируемым таким корифеем позднеантичной исторической прозы, как Аммиан Марцеллин, подобные акценты *Origo* весьма скромны, ибо *scientia rei militaris* и *felicitas* Аммиан относит к «вторичным» позитивным качествам. Парадокс в том, что, согласно автору *Origo*, именно этих качеств хватает герою, чтобы продемонстрировать свои преимущества в сравнении с деяниями Галерия, Севера и Максимиана и привести в порядок империю. Поэтому упомянутый «жизненный маршрут» Константина оказывается столь же показательным, как жизненный (он же военно-гео-

графический) путь Александра Македонского, как он выглядит, например, в сочинениях Арриана и особенно Квинта Курция Руфа.

Таким образом, подобный вариант исторической биографии пронизан ярко выраженной односторонностью изображения деяний героя и его качеств. Но бесцветным его не назовешь, так как автор не чурается, например, подчеркнуть простое происхождение Елены, матери Константина. С одной стороны, в глазах «общественности» того времени этот факт биографии императора в известной степени снижал блеск его образа, но, с другой, аноним подчеркивает, что Елена была *ихор* Констанция Хлора, а это констатировало легитимность рожденного ею сына, обуславливало законность стремления Константина принять на себя бремя умирающего отца. Нельзя видеть негатив и в констатации Анонимом того факта, что его герой не был «особенно сведущ в образовании», ибо это обстоятельство лишь дополнительно оттеняет карьерные качества Константина как *self-made man*, чьи притязания на власть выглядят неоспоримыми, в известном смысле — врожденными. В самой политике Константина Аноним явно критикует только одно: при основании новой столицы в Константинополе «он столь щедро раздал огромные богатства, что исчерпал на это почти все царственные средства». Этот тезис Анонима можно толковать как выражение взглядов тех политических групп IV в., которые были недовольны созданием нового мощного центра влияния в противовес Италии, Риму. Но к концу IV в., как продемонстрировали исследования М. Я. Сюсюмова, Ж. Дагрона, Г. Л. Курбатова и других, Константинополь политически «давил» и на Александрию, и на Антиохию. Кроме того, данный тезис можно интерпретировать как типично позднеантичный взгляд гражданина среднего полиса, чьим идеалом в оценках урбанистской политики императоров была уравнительная опека по отношению к городам.

Ващева И. Ю. Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб., 2006.

Козлов А. С. К вопросу об авторстве и датировке *Origo Constantini imperatoris* // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2011. Вып. 12.

Козлов А. С. Социальный аспект информации «Анонима Вalezия» // АДСВ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40.

Кривушин И. В. Евсевий Кесарийский, отец церковной историографии // Интеллектуальная история в лицах : семь портретов мыслителей Средневековья и Возрождения. Иваново, 1996.

Alföldy A. Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. The Clash between Senate and Valentinian I. Oxford, 1952.

Alföldy A. The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford, 1948. P. 91.

Alföldy G. The Social History of Rome. Sidney, 1985.

Alföldy M. R. Phoenix aus der Asche. Die Liburna, ein Gründungsmonument von

Constantinopolis. Wiesbaden, 2004 (Sitzungsberichte der Wissenschaftliche Gesellschaft an der Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt a/M ; Bd. 42, N. 2).

Anastos M. The Edict of Milan (313) : a Defence of its Traditional Authorship and Designation // REB. 1967. 25.

Andreotti R. Licinius (Valerius Licinianus) // Dizionario epigrafico di antichità romane, 1959. 4.

Ankersmit F. R. Historical representation // History and Theory. 1988. 27, № 3. P. 208.

Aurelius Victor. Livre des Césars / ed. P. Dufraigne. P., 1975.

Barcelò P. A. Roms auswdrtige Beziehungen unter der constantinischen Dynastie (306—363). Regensburg, 1981. (Eichstatter Beiträge; 3).

Barnes T. D. Constantine and Eusebius. Cambridge; L., 1981.

Barnes T. D. New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, 1982.

Beek H.- G. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt // BZ. 1965. Bd. 58, N 1. S. 12—13.

Besnier M. L'Empire romain de l'avènement des Sévères au concile de Nicée. P., 1937.

Bird W. H. Sextus Aurelius Victor : A Historiographical Study. Liverpool, 1984/

Brandt H. Konstantin der Grosse. Der erste christliche Kaiser. Eine Biographie. 2. München, 2007.

Cameron A. The Epitome De Caesaribus and the Chronicle of Marcellinus // The Classical Quarterly (N. S.), 2001. Vol. 51, №. 2.

Chastagnol A. Remarques sur les senateurs orientaux au IV siècle // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1976. T. 24.

Chronographus anni CCCLIII // MGH AA. Berolini, 1892. T. 9, vol. 1.

Clauss M. Magister officiorum in der Spätantike (4. —6. Jahrhundert) : das Amt und sein Einfluss auf der kaiserliche Politik. München, 1980.

Codex Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes, 2 ed. / ed. Th. Mommsen et P. Meyer, Berlin, 1954. Vol. 1—2.

Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974.

Degrassi A. I Fasti consolari dell' impero Romano dal 50 avanti Cristo al 613 dopo Cristo. Roma, 1952.

Demougeot E. La formation l'Europe et les invasions barbares, 2.1—2: De l'avènement de Diocletien (284) à l'occupation germanique de l'Empire romain d'occident (début du; VIe siècle). P., 1979.

Die Chronik des Hieronymus / hrsg. R. Helm. Berlin, 1984.

Dittrich, U.-B. Die Beziehungen Roms zu den Sarmaten und Quaden im vierten Jahrhundert n.Chr. (nach der Darstellung des Ammianus Marcellinus). Bonn, 1984.

Eusebius. Die Kirchengeschichte / hrsg. von Ed. Schwartz. Berlin, 1952.

Eusebius Pamphilus. Vita Constantini / hrsg. F. Winkelmann. Berlin, 1975.

Eutropii Breviarium ab urbe condita / rec. Fr. Ruehl. Lipsiae, 1901.

Feld H. Der Kaiser Licinius : Diss. Saarbrücken, 1960.

Grünwald Th. Constantinus Maximus Augustus : Herrschaftspropaganda in der zeitgenössischen Überlieferung. Stuttgart, 1990.

Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII—XVIII / ed. Th. Buttner-Wobst. Bonn, 1897.

Jacoby D. La population de Constantinople a l'époque byzantine: une problème de démographie urbaine // Byz. 1961. T. 31,1.

Janin R. Constantinople Byzantine : Développement urbain et répertoire topographique. P., 1950.

Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284—602 : a Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol.1.

Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971. Vol. 1. AD 260—395.

Jordanes. De origine actibusque Getarum / ed. Th. Mommsen // MGH AA. Berolini, 1882. T. 5, Vol. 1.

Kienast D. Das Bellum Cibalense und die Morde des Licinius // Roma Renascens. Beiträge zur Spätantike und Rezeptionsgeschichte. Ilona Opelt von ihren Freunden und Schülern zum 9.7.1988 in Verehrung gewidmet / hrsg. M. Wissemann. Frankfurt a/M. ; N.Y. ; Bern ; Paris, 1988.

Kubitschek W. Byzantion // PWRE. [Stuttgart]. 1897. Bd. 3, Hbd. 5.

König I. Origo Constantini: Anonymus Valesianus 1. Trier, 1987 (Trierer Historische Forschungen ; Bd. 11).

L'Empereur Julien. Oeuvres complètes / texte établi. et trad. par. J. Bidez. P., 1924. Vol. 1—2.

L'Orange H. P., von Gerkan A. Der spätantike Bildschmuck des Konstantinsbogens. Berlin, 1939.

Lactance. De la mort des persécuteurs Vol.2./ ed., trad., commtnt. J. Moreau. P., 1954 (Sources chrétiennes; 39).

Liebenam W. Fasti consulares Imperii romani von 30 v. Chr. bis 565 n. Chr. mit Kaiserliste und Anhang. Bonn, 1909.

Mango C. Le développement urbaine de Constantinople (IVe — VIIe siècles) (Travaux et Mémoires du Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, College de France. Monographies, 2). P., 1985.

Momigliano A. Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D. // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / ed. A. Momigliano. Oxford, 1964.

Ohnesorge W. Der Anonymus Valesii de Constantino. Diss.; Kiel, 1885.

Origo Constantini imperatoris // König I. Origo Constantini: Anonymus Valesianus 1. Trier, 1987 (Trierer Historische Forschungen ; Bd. 11).

Orose. Histoires (Contre les Païens) / Texte établi. et trad. par Marie-Pierre Arnaud-Lindet. Paris, 1991. Vol. 3.

Pashoud F. Notes // Zosime Histoire nouvelle . T. 1 (Livres 1 et 2) / texte etabl. et trad. par F. Paschoud. P., 1971.

Piganiol A. L' Empire Chrétien, 325—395. (Histoire Générale Fondée Par Gustave Glotz). P., 1947.

Pohlsander H.A. Crispus Brilliant Career and Tragic End // Historia. 1984. 33.

Prosperi Tironis Epitoma chronicon / ed. Th. Mommsen // MGH AA. Berolini, 1892. T. 9, Vol. 1.

Pseudo-Aurélius Victor. Abrégé des Césars / ed. M. Festy. P., 1999.

Ruysschaert J. Essai d'interprétation synthétique de l'arc de Constantin // Rendiconti della Pontificia Academia Romanade Archeologia. 1962/1963. 35.

Schanz M. Die römische Literatur von Constantin bis zum Gesetzgebungswerk Justinians // Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers

- Justinian. München, 1959. Т. 4, Bd. 1: Die Literatur des vierten Jahrhunderts.
Schlumberger J. Die Epitome de Caesaribus: Untersuchungen zur heidnischen Geschichtsschreibung des 4. Jahrhunderts n. Chr. München, 1974. (Vestigia; Bd. 18).
Seeck O. Bassianus. 4 // PWRE. [Stuttgart]. 1897. HBd. 5.
Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Berlin, 1897. Bd. 1.
Shore B. TwiceBorn, Once Conceived: Meaning Construction And Cultural Cognition // American Anthropologist, 1991. Vol. 93, N. 1. March.
Sirnelli J. Les vues historiques d'Eusèbe de Césarée durant la période prénicéenne. Paris, 1961.
Smith J. H. Constantine the Great. L., 1971.
Stein E. Histoire du Bas-Empire. Bruges, 1959. Т. 1 : De l'État Romain à l'Etat Byzantin (284—476).
Stephenson P. Constantine: Roman Emperor, Christian Victor. N. Y., 2009.
Straub J. Konstantins Verzicht auf den Gang zum Kapitol // Straub J. Regeneratio imperii. Darmstadt, 1972.
The Roman Imperial Coinage / ed. C. H. V. Sutherland. London, 1966. Vol. VII. Constantine and Licinius A. D. 313—337.
Theophanis chronographia Vol. 1 / rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
Taylor C. Interpretation and the Sciences of Man // Review of Metaphysics. 1971. 25.
Van Dam R. The Roman Revolution of Constantine. Cambridge, 2009.
Vogt J. Constantin der Grosse and sein Jahrhundert. München, 1973.
Weitzmann K. Age of Spirituality. Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art. November 19.1977, through February 12.1978 (The Metropolitan Museum of Art). N.Y., 1979/1980.
Westerhuis D. J. A. Origo Constantini imperatoris sive Anonymi Valesiani pars prior. Diss. Campis, 1906.
Zosime Histoire nouvelle. Т. 1 (Livres 1 et 2) / texte etabl. et trad. par F. Paschoud. P., 1971.

УДК 94(47)084.3

М. А. Фельдман

БЫЛИ ЛИ РАБОЧИЕ РОССИИ ИНИЦИАТОРАМИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ?

Исследуются проблемы выбора экономического курса Советского государства осенью 1917 — в первые месяцы 1918 г. Рассматривается роль рабочих в определении методов национализации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: рабочие; национализация; промышленность; Совет.

Для анализа одного из важнейших этапов советской истории попытаемся ответить на ряд вопросов.